

НОВО-БАСМАННАЯ, 19

1990

СТИХОТВОРЕЦ СО СТАРОЙ БАСМАННОЙ

ФЕТ БЕЗГЛАГОЛЬНЫЙ

ВЫЗОВ ЦАРЮ

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
РОМАНА БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»**

РУССКИЙ ДОВОЕННЫЙ ТЕАТР АБСУРДА

«ГИЛЬГАМЕШ» В ПЕРЕВОДЕ ГУМИЛЕВА

ПОСЛЕДНЯЯ ОДИССЕЯ ГЕОРГИЯ ВЕНУСА

ПРИГОВОРЕННЫЙ К ЗАБВЕНИЮ

«ТОЛЬКО ПОБЕЖДЕННЫЙ НЕ СУДИМ...»

**ББК 84Р1
Н74**

**Вступительная статья
Г. Анджапаридзе**

**Составление
Н. Богомолова**

**Оформление художника
А. Ременника**

**Иллюстрации
А. Голицына**

**Цветные слайды
А. Градобоева**

Н 4702010000-436 без объявл.
028(01)-90

ISBN 5-280-01320-X

**© Издательство «Художественная
литература», 1990 г.**

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО
К С. Д. и С. Г. СПАСКИМ

В конце двадцатых и начале тридцатых годов Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) очень много писал и всеми силами старался казаться не «непризнанным братом, отщепенцем в народной семье» (как точно определил это его младший современник О. Э. Мандельштам), а плотью от плоти становящейся советской литературы. Сделать это ему было весьма нелегко, как и другим писателям его круга и его интересов.

Один за другим арестовываются люди его круга, близкие знакомые, даже жена. О символизме говорят в лучшем случае настороженно, а по большей части — с прямым осуждением. Тот путь исканий, которым в середине двадцатых годов еще можно было гордиться и который можно было описывать как движение, объединенное одной целью, теперь становился все более и более опасной уликой. Вся ситуация, в которой оказался Белый, становилась противоестественной, и для того, чтобы попытаться слить свой голос с голосами других писателей, искренне уверенных в том, что советская литература переживает расцвет, Белому надо было убедить себя в том же самом.

Творчество Андрея Белого этого времени — тема совершенно особая, требующая многочисленных разработок, немалое место в которых должны занять разыс-

Андрей Белый. Фотография 30-х годов

кания, касающиеся его взаимоотношений с различными изданиями и издательствами. Отчасти эта тема приоткрывается в публикуемых письмах к поэту и прозаику Сергею Дмитриевичу Спасскому (1898—1956) и его жене Софье Гитмановне (урожд. Каплун; 1901—1962). Спасский был тесно связан с «Издательством писателей в Ленинграде» — одним из последних кооперативных издательств, — и потому с ним Белый предпочитал вести переговоры относительно издания своих книг.

Однако отношения их имеют под собой гораздо более глубокую почву, и для верного понимания писем следует рассказать о том типе взаимоотношений, который связывал Белого с этой семьей.

Белый и Спасский познакомились в апреле 1918 года в Москве¹. Но, по всей видимости, тогда это знакомство не переросло в сколько-нибудь близкие отношения, хотя в архиве Белого и сохранилось письмо Спасского, которое, очевидно, можно датировать 1920 годом:

¹ Летопись жизни и творчества Белого, составленная К. Н. Бугаевой. — ГПБ, ф. 160, ед. хр. 107.

«Если все меняет свой лик, если чувствуешь, как вздрагивает земля под ногами, если каждое сегодня — только шаткий мост над огнедышащей бездной, — то не к прозрачным ли внереальным вершинам должна стремиться душа современника, чтобы там обретать смыслы и цели и ждать и готовиться к решению последней судьбы. И кто может видеть, кто может осознавать, пусть неустанно и зорко вглядывается в провалы между обычными словами, делами и днями, чтобы постигнуть подлинный и Единый Лик, открывающийся за смятыми нашим временем покровами.

И оттого, что могу говорить и строить, — строю и говорю, нащупывая возможность выразить и объяснить пока еще самому неясные и не открывшиеся слова.

Во имя Ваших исканий, во имя Ваших прозрений хочется подойти к Вам не только как к мастеру формы, но и как к знающему и достигающему, подойти и просто передать Вам свое, веря, что Вы поймете это больше, чем кто-либо другой.

Шлю первую часть задуманной мной небольшой трилогии в стихах¹, просто потому, что приятно знать, что она в Ваших руках.

Шлю извинения за то, что отнимаю у Вас время, хотя мой шаг строится исключительно на глубоком доверии к Вам как к поэту и на искренней симпатии, которая родилась во мне при наших случайных встречах.

Уважающий Вас

Сергей Спасский»

(ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 275).

Примерно в те же годы Н. А. Павлович, жившая, как и Спасский, в Самаре, передавала Белому привет от младшего поэта (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 236). Но все же, по всей вероятности, в те годы Спасский был для Белого лишь одним из многих и многих молодых людей, окружавших его и стремившихся соотносить свое творчество с его художественными устремлениями.

Гораздо более дружеские отношения связывали Белого с С. Г. Каплун. Она была членом семьи, не только симпатизировавшей Белому, но и покровительствовавшей по мере сил ему, заботившейся о нем в те нелегкие для существования годы. Ее брат Борис Гитманович,

¹ Спасский Сергей. Рупор над миром. Пенза, 1920.

управляющий управления делами Петроградского Совета рабочих депутатов, брал на себя многие материальные заботы Белого¹, ее сестра Клара Гитмановна была начальницей Белого по службе в библиотеке Наркомата иностранных дел, где тот работал в 1921 году. Среди тех, с кем Белый «чаще всего виделся» в марте — августе 1921 года в Петрограде, он называет С. Г. и К. Г. Каплун².

Свидетельством этих связей являются дарственные надписи Белого на книгах, хранящихся ныне в собрании В. С. Спасской: «Дорогой Соне Каплун в знак искренней любви и симпатии от автора. 30 августа 21 года» (на книге «На перевале. III. Кризис культуры». Пб., 1918) и «Дорогой Соне Каплун с любовью, благодарностью и с надеждой на будущие свидания. С братским чувством. Андрей Белый. 10 октября 21 года» (на книге «Первое свидание». Пб., 1921).

Оказавшись в Берлине, Белый попал под дружескую опеку Соломона Гитмановича Каплуна-Сумского, владельца издательства «Эпоха», выпустившего ряд его книг.

После возвращения в СССР Белый читал немногим слушателям в январе — феврале 1924 года три лекции «Александр Блок в проблеме «Пути»³. По всей видимости, С. Д. Спасский был в числе этих немногих слушателей.

В списке прочитанных лекций Белый помечает под номерами 887—889 три чтения из книги «История становления <самосознающей души>» в мае—июне 1926 года у С. Г. Спасской (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96). Тогда же он участвовал в прениях по докладу известного своей близкой дружбой с Блоком Евгения Павловича Иванова «Об Евангелии Иоанна», также состоявшемся на квартире у Спасских.

¹ Об их взаимоотношениях свидетельствует инскрипт Белого: «Глубокоуважаемому и дорогому Борису Гитмановичу Каплуну с любовью, Андрей Белый. Берлин 22 июня 22 года» (на книге «Стихи о России». Берлин, 1922; собрание В. С. Спасской).

² ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98. л. 5 об.

³ ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96; ср. позднейшую запись в «Материалах для биографии»: «Читаю небол(ьшому) кружку любителей Блока 3 лекции об образных мифах у Блока» (там же, ед. хр. 98). Несколько позже Белый надписывает Спасскому «Первое свидание»: «Дорогому Сергею Дмитриевичу Спасскому с искренней любовью. Андрей Белый. 25 года. 1 января» (собрание В. С. Спасской).

Таким образом, с этой семьей Белого связывали достаточно давние, хотя и прерывавшиеся на время отношения. В центре дружеских связей, бесспорно, стояли духовные проблемы, решавшиеся сходным образом. С. Г. Спасская-Каплун была деятельной участницей встреч в Вольфиле (Вольной философской ассоциации), испытывала сильное влияние антропософии, остававшейся для Белого до конца жизни важнейшей областью жизненных устремлений. С глубокой заинтересованностью пишет об антропософии и С. Д. Спасский в большом письме к Белому от 15 октября 1928 года. Оно было написано после чтения рукописи книги «Почему я стал символистом и почему я не переставал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития». Многие вопросы, обсуждавшиеся в этом письме, вряд ли могут представить интерес для сегодняшнего читателя, но в то же самое время оно дает отчетливое представление о круге интересов, являвшихся общими для обоих поэтов, поэтому приведем несколько отрывков из этого письма: «В 20-м году я сидел в Самаре и работал над докладом о Вашем творчестве. Меня занимал в тот момент не столько Ваш художественный путь, с которым я издавна инстинктивно сжился, но и рост и развитие Вашего мировоззрения. Я чувствовал, что из приближения к пониманию Вашей мировоззрительной установки может возникнуть и понимание «Петербурга», «Котика Летаева», стихов и симфоний. Передо мной лежал «Символизм», «Кризисы» и только что вышедший первый номер «Записок Мечтателей» (...)

Для меня, не подготовленного философски, путающегося в терминологии, «Эмблематика»¹ предстала «гранитом науки», который надлежало грызть, рискуя сломать себе зубы. Разумеется, я не разгрыз ее в полной мере. Вряд ли разгрыз бы я ее целиком и теперь. Но, помню, переход от «Эмблематики» к «Кризисам» и даже к «Запискам чудака» показался мне совершенно естественным. Я чувствовал, что везде речь идет об одном. В существе Белый никогда не менялся,— вот основной тезис моего маленького докладика (...)

Только что прочтенная рукопись утвердила мои давние догадки. Борьба за «Символ» (беря его в Вашем смысле) — тема Вашего творчества и Вашей жизни (...)

¹ Имеется в виду статья Белого «Эмблематика смысла», вошедшая в книгу «Символизм» М., 1910.

Сфера символа на моем языке есть соединение творимой действительности не только физической и не только духовной, но образуемой повышением физического в духовное. Это физическое в состоянии духовности, действительность, *не предложенная* нам нигде. Она всегда создается нами заново, впервые. Теории пролетают мимо нас, как касательные пролетают мимо круга, соприкасаясь с ним в какой-либо одной точке. Сознательное творчество этой действительности — наша задача. И эта творимая нами действительность — есть подлинная реальность. Так думаю я, так обосновываю свое реалистическое мировоззрение. Символизм (так, как понимаете его Вы) или реализм? Я не вижу тут противоположения. В существе, в содержании и, я полагаю, даже в творческой жизненной практике — это одно. Тут дело в умении читать явления и из прочитанных рассыпанных букв складывать новое слово».

Особо занимала Спасского проблема духовной ответственности писателя, берущего на себя большой груз, чем жизненная задача обыкновенного человека: «Малейшая крупичка даже не знания, а только предчувствия возможности знания множит ответственность в геометрической прогрессии. Мы, подведенные судьбой к предчувствиям и за то благодарные судьбе, не смеем не принимать на себя ответственности. И только в такой ответственности — залог, что предчувствия наши не напрасны.

Говоря проще, встает вопрос: как же правильно жить с людьми мне, человеку вполне такому же, только хотящему большей ответственности? Этот вопрос решается практически всю жизнь, и не знаю, в силах ли решить его кто-либо из нас. Неразрешимые вопросы снимаются лишь мощью Духа».

В таком контексте велся спор и по поводу отдельных положений книги Белого. Особый интерес для нас представляют размышления о том образе Блока, который нарисован на страницах «Почему я стал символическим...»: ¹ «У Блока был свой путь. О нем мы знаем тоже от Вас. Именно Вы с удивительной проницательностью вскрыли все изломы, все повороты этого пути. Я никогда не забуду блоковских заседаний в «круглой комнате». В течение трех вечеров Вы вводили нас в духовные процессы, кипевшие в душе Блока и нашедшие свое высо-

¹ См. также стихотворение Спасского «Памяти Блока» (в сб.: Экспрессионисты. М., 1921, с. 6).

кое воплощение в его замечательной поэзии. В меньшем объеме, но с той же значительностью подняты проблемы творчества и жизни Блока в напечатанных Ваших воспоминаниях¹. Воспоминания были событием для многих и многих. Вы один проникли *внутрь* мира блоковских образов и ввели туда и нас, слушателей и читателей. Воспоминания — *победа* конкретного мировоззрения.

Когда знаешь Блока в подлинном источнике его биографии — в его творчестве, когда знаешь его через Ваши воспоминания — само собой и вполне понятно, что Вы не могли не расходиться с ним в те или иные периоды. И подобные расхождения не «умалют» ни одну сторону. Об этом просто не может быть и речи. Блок проходил свой трудный путь сам. Не всякий может сознательно овладеть конкретным мировоззрением и превратить его в практику. В какой степени овладел или не овладел им Блок, судить не берусь. Но, проходя «путем неудач», Блок мужественно брал на себя ответственность. И он до конца знал, что его путь — «путь неудач». Он просто, глубоко человеческим голосом рассказал нам о своей дороге. Есть один непростительный грех против Духа — стоянье на месте, отказ от всяких путей. Блок шел. Остальные грехи — эмпирика» (ГБЛ, ф. 25, карт. 23, ед. хр. 5, л. 1—3 об).

В этом примечательном тексте следует обратить внимание на два очень характерных момента: во-первых, на поднятую Белым и подробно обсуждаемую Спасским проблему пути у Блока, которая недавно была с такой глубиной разработана Д. Е. Максимовым², и, во-вторых, на размышления Спасского над идеей ответственности художника перед своим временем и перед самим собой. Выглядит маловероятным, чтобы он был знаком с первым опубликованным выступлением М. М. Бахтина³, но тем не менее связь между кругом идей Бахтина и Спасского (несмотря на все различия в глу-

¹ Очевидно, имеются в виду «Воспоминания о Блоке» (Эпопея, 1922, № 1—4).

² Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981, с. 6—151.

³ Бахтин М. Искусство и ответственность. — День искусства, Невель, 1919; перепечатано в его кн.: Эстетика словесного творчества. М., 1979.

бине и убедительности окончательных решений) выглядит почти несомненной.

Печатаемые нами письма составляют меньшую часть тех, что существовали еще в конце тридцатых годов. В обзоре литературного наследия Белого значатся 26 писем 1921—1933 годов¹, но сохранились лишь письма 1931—1933 годов. Вызвано это, очевидно, нелегкой судьбой как С. Д., так и С. Г. Спасских. Им обоим пришлось пройти через сталинские лагеря, со всеми вытекающими отсюда последствиями². Можно только пожалеть, что пропали письма Белого с прямыми размышлениями о духовных проблемах, которые, очевидно, существовали. Но и среди ныне обнаруженных писем довольно много интересного, относящегося как к литературным взглядам Белого, так и, прежде всего, к истории его взаимоотношений с различными журналами и газетами, а также с издательствами, в том числе и с издательством «Художественная литература», в те годы именовавшимся ГИХЛ. Многочисленные планы, отчасти реализовавшиеся, отчасти — нет, суждения о произведениях его адресата, наконец, сам стиль жизненных отношений с добрыми знакомыми — все это делает публикуемые письма общеинтересными.

Письма хранятся в личном архиве дочери С. Д. и С. Г. Спасских — В. С. Спасской.

1

Кучино, 12 марта (19)31 г.

Дорогие, милые Сергей Дмитриевич и Соня, всю эту зиму мысленно писал Вам, да упорная работа с «Началом века»¹ до января связывала; а после начался период, который ознаменовался нашими болезнями, смертью старичка-хозяина и роем таких серьезных неудобств (в) жизни, что в итоге их я взял командировку в Тифлис² (К. Н.³ же как секретарь) и теперь спешно еду на Кавказ, отчего и не может состояться наш приезд к Вам.

¹ Бугаева К., Петровский А. [Пинес Д.] Литературное наследство Андрея Белого. — Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 634.

² См.: Милютина Т. М. Автобиография. — Вестник русского христианского движения, 1988, № 152, с. 187, 190.

И так технически трудно мне выехать; чтобы выехать, надо все время быть в Москве и ликвидировать здешние дела, что очень сложно (одна перевозка ряда вещей из Кучина, редакции, бумажки и т. д.); поездка в Ленинград, которая в других обстоятельствах была бы нам очень приятна, теперь лишь крюк на пути в Тифлис, куда должны ехать не позднее 20 марта, а еще почти ничего не сделано.

Спасибо за доброе и сердечное гостеприимство, которым и воспользуемся, но не теперь, а после Тифлиса, предварительно списавшись (летом ли, осенью ли,— не знаю).

Дорогой Сергей Дмитриевич, спасибо Вам за книгу и за тронувшую меня надпись⁴. Представьте,— так много было спешных работ и дел, что еще не читал; я люблю читать всерьез; а все эти недели этого «серьеза» не было. Вашу книгу берегу в дорогу. Мы так измучены, что собираемся ехать в международном; там, в тишине, буду живо общаться с Вами через книгу вместо личного общения.

Так досадно, что живешь не по своей воле, а по линии наименьшего сопротивления всяким житейским сложностям. Поездка в Ленинград перед Тифлисом была бы этим техническим обременением.

Итак,— до «после Тифлиса».

Остаюсь сердечно любящий Вас обоих и сердечно преданный

Борис Бугаев.

Р. С. Что это Вы, Соня,— приболеваете; А. С.⁵ рассказывал о Вас; кончайте скорей с Вашей операцией, чтобы весной оправиться; нужно сбрасывать с себя болезни в начале весны.

Р. Р. С. К. Н. шлет Вам обоим сердечный привет.

¹ Вторая часть воспоминаний Белого «Начало века» вышла в свет в 1933 г.

² Андрей Белый был на Кавказе в 1927, 1928 и 1929 гг. Его впечатления от этих поездок отразились в книге очерков «Ветер с Кавказа» (М., 1928). См. также: Андрей Белый в Грузии.— Дружба народов, 1966, № 2; Б е л ы й Андрей. Армения. Ереван, 1985.

³ К. Н.— Клавдия Николаевна Васильева (1886—1970), с июля 1931 г.— жена Белого, автор «Воспоминаний о Белом» (Berkeley, 1981). В предисловии к этому изданию, в статье Д. Малмстада, наиболее подробно рассказана ее биография.

⁴ Речь идет, очевидно, о сборнике стихов Спасского «Особые приметы» (Л., 1930).

⁵ А. С.— по всей вероятности, Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958), близкий друг Белого, один из «аргонавтов» — членов мистического кружка, группировавшегося в начале века вокруг Белого.

2

Кучино, 16 марта (1931).

Милая, милая Соня, дорогой Сергей Дмитриевич.

Судьба располагает; и человек со всеми его решениями — игрушка. Только что Вам написал с *грустью* отказ от Вашего любезного приглашения побывать у Вас в виду спешного нашего уезда на Кавказ, не позволявшего нам сделать лишний крюк; и на другой день после отправки Вам письма и отправки телеграммы в Тифлис, чтобы закрепить за нами две снятые нам комнаты (они-то и обусловили спешку отъезда), — все неожиданно, самым странным образом перерешилось; наша поездка в лучшем случае откладывается до осени (и то, если будут деньги); и стало быть: падают механические препятствия к нашей поездке в Ленинград — Детское; и стало быть: восстанавливается во всей силе наше осеннее желание приехать; кроме личной радости повидаться с Вами, с Р. В.¹, Сергеем Дмитриевичем, у нас есть потребность отдохнуть от Кучина, которое стало очень трудно: ввиду невозможности ехать на Кавказ летом (до осени) есть даже тайная мысль: попытаться на лето устроиться где-нибудь под Ленинградом (хотя бы в Детском); все равно в Кучине летом не просидишь; более того: есть тайная мысль, — ввиду необходимости уехать из Кучина совсем (гнилой домик, шалая хозяйка и т. д.) — о переезде на зиму в Ленинград или около, ибо работать могу с равным удобством и около Москвы, и около Ленинграда.

Все вместе: желание повидаться, переменить воздух, отдохнуть (К. Н. измучена до крайности) и сделать попытку найти летнее убежище обращает нас к Вам. Итак, если мы Вас не стесним, то мы приедем, чтобы прожить несколько дней у Вас и несколько дней у Р. В.; но мы не можем приехать до 30; 30 остаемся в Москве, а после тотчас приедем, *если только справимся с билетами*; но для этого нам нужно знать заранее, что в эти дни мы не помешаем Вам и Р. В. (т. е. начало апреля).

Очень мечтаем с К. Н. отдохнуть с друзьями в другой атмосфере (с ноября до сих пор — жизнь в Кучине — страда!) при условии, что не стесним Вас. Будем ждать хоть ответной открытки до 30-го, ибо могли бы ехать 31-го, 1, 2-го уже; пошлите скорой почтой. То же, приблизительно, пишу и Р. В. К. Н. шлет сердечный привет; она — в Москве; бедняжка — захлопоталась: вся тяжесть укладок, перевозок вещей — падала на нее; в Кучине так неорганизованно, что с тяжелыми чемоданами нельзя уехать (некому донести до станции, а наши сердца — больные); и вот приходилось укладочный материал таскать в Москву (это я о Кавказе, куда ехали надолго с многими вещами); К. Н. так устала, что не может даже писать. Одно из заданий моих — ее увезти, чтобы ей немного отдохнуть: ведь и все тяжести Кучина, и трения с хозяйкой падали ей на голову.

Ну вот, дорогие и близкие Соня и Сергей Дмитриевич,— написал, и жду от Вас открытки.

С надеждой на скорое свидание

Остаюсь любящий Вас обоих

Борис Бугаев.

¹ Р. В.— Разумник Васильевич Иванов (псевдоним — Иванов-Разумник; 1878—1946) — историк литературы, критик, публицист, близкий друг Белого на протяжении многих лет. О нем см. во вступительной статье А. В. Лаврова к его переписке с Блоком (Литературное наследство, т. 92, кн. 2. М., 1981, с. 366—391). Специально об отношениях Белого и Иванова-Разумника см. в статье А. В. Лаврова «Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980, с. 23—30). В то время он жил в Детском Селе (ныне г. Пушкин), и Белый с женой прожили в одном доме с ним (хотя и с продолжительными перерывами) целый год — с апреля 1931-го по апрель 1932 г.

3

⟨Недатированная открытка. Почтовый штемпель — Детское Село, 2. 10. ⟨19⟩31.⟩

Дорогой, милый Сергей Дмитриевич, передал Дм. Мих.¹, что лучше, чтоб Вы приехали к нам 30 или 1-го, а не 29, ибо как раз 29-го должен был писать

план романа для «Книгоиздательства Писателей (в Ленинграде)»². Боюсь, что Вы могли обидеться и подумать, что не хотим Вас и Соню видеть. Приезжайте! Я бы сам у Вас был, да сижу в Gripпе, отрезан от Ленинграда. Между тем: кроме радости Вас видеть есть и вопросы к Вам; именно: я имею право на дополнит(ельную) площадь; и если мы с К. Н. займем прошлог(однюю) комнату, понадобится бумажка на это право. И еще: нужен мне нотариус; если сможете навести справки, где наход(ится) это учреждение в Ленингр(аде) (вероятно, в «Издаг(ельстве)»: знают), буду очень благодарен; еще: слышал, что куда-то едете; если в Москву, то был бы признателен, если б Вы, будучи в «Гихле», справились о моем романе³. Да всего не напишешь.

Итак, ждем Вас с Соней. Кстати: если не забудете, привозите дорожные ремни, а я Вам передам Ваши (они теперь коротки для нас, ибо много подушек); и, чего доброго, могут скорее пригодиться. Итак, до скорого свидания. Надеюсь, что Вы правильно отнеслись к просьбе отложить до 30-го приезд. Привет от нас обоих Вам с Соней. Б.Б.

¹ Д м. М и х.— Дмитрий Михайлович Пинес (1891—1937), библиограф, исследователь творчества Белого. Был репрессирован.

² Речь идет о замысле романа «Германия», так и не написанного Белым. Об этом замысле см.: Г р е ч и ш к и н С. С., Л а в р о в А. В. Неосуществленный замысел Андрея Белого (План романа «Германия»).— Русская литература, 1974, № 1. См. о нем также в следующем письме.

³ Р о м а н — «Маски» (М., 1933).

Москва. 27 окт(ября) (19)32.

Уважаемый Сергей Дмитриевич,
получив от Вас любезное извещение, исходящее от Правления «Книгоиздательства Писателей в Ленинграде», что оно, не стесняя меня договором, предоставляет мне право написать роман «Германия» тогда, когда я это сумею исполнить,— спешу ответить,— Вам, а не т. Сорокину, имя и отчество которого не имею чести знать²:

я, конечно, согласен на это предложение, так как хотел бы писать мною задуманный роман; я не смог выполнить условий договора ввиду очень трудных обстоятельств личной жизни и ввиду неудобств с жилплощадью, дававших возможность брать легкую работу и не дававших сосредоточенности, которая необходима при выполнении работы художественной.

Так случилось, что я вместо того, чтобы писать роман, взял легкую работу (3-ий том воспоминаний), данную мне «Федерацией»³.

Мои жилищные условия изменятся, вероятно, не раньше марта⁴; работа над третьим томом (30 печ(атных) листов) продолжится до августа (19)33 года; стало быть: лишь с будущей осенью смогу я вплотную приняться за роман, который надеюсь кончить в (19)34 году лишь.

Если издательство не пугают столь далекие сроки, то это устраивает меня вполне, потому что роман, который я не могу писать ныне, живет ярко в воображение моем.

Прошу Вас, дорогой Сергей Дмитриевич, содержание этого письма передать Правлению «Издат(ельства) Пис(ателей) в Ленинграде» и поблагодарить его за то внимание, с которым оно отнеслось к моим жизненным затруднениям.

В случае, если бы дальний срок сдачи романа оказался бы неудобным, прошу меня известить, чтобы я перевел 1000 р(ублей) взятого аванса на текущий счет, когда «Федерация», не платящая мне 3¹/₂ месяца следеющего аванса (в размере 3000 т(ысяч) р(ублей)) его выплатит.

Остаюсь с уважением

Борис Бугаев (А. Белый).

Дорогие мои,— Соня и Сергей Дмитриевич!

Не удивитесь «уважаемому» и прочим косолапостям стиля; ведь это не к Сергею Дмитриевичу, а к правлению, которое должен поблагодарить за действительно человеческое отношение к трудностям моей жизни; и еще сердечное, горячее спасибо, Сергей Дмитриевич, Вам, приложившему руку к этому делу.

Постоянно вспоминаем Соню и Вас, особенно после того, как пережили бурное волнение за Соню летом, волнение, которое разрешилось радостью, потому что время, переживаемое Соней, отдается нам, как большая, серьезная и ответственная радость жизни; помните, что мы с Вами!

Я просто закупорен словами и мыслями, которые готовы хлынуть потоком на Вас, а — ряд месяцев просто не мог писать ничего конкретного, сперва — кончая Гоголя⁵, потом — таскаясь по учреждениям и борясь с молочным хвостом⁶; а попав в Лебедянь, опять засел с головой в работу и в свободное время отдавал весь досуг Е. Н.⁷.

Пусть эти косноязычные строчки прилетят к Вам лишь как голубь с масличной ветвью, а не как членораздельные слова с мыслью; они — от любви, но из-под немощи и опустошенности оконченного трудового дня (т. е. писаны ночью перед отходом ко сну).

Кстати: на днях у Санникова⁸ разговаривал с человеком, недавно видевшим «лже-Спасского», еще служившего в Алма-Ате и продолжавшего себя утверждать Сергеем Дмитриевичем (Вы, конечно, знаете об этом самозванце по «Лит(ературной) Газ(ете)»⁹).

Если не трудно, черкните, что можно: откуда Д. М. узнал о возвращении Алеши; здесь в Москве мы ничего не знаем, кроме смутных слухов неизвестного источника; и не верим им, чтобы потом не пережить огорчения¹⁰.

Мы уже месяц в Москве; нигде не бываю, никого не вижу: работаю, гуляю, отдыхаю; режим почти такой, как в Детском; но, конечно, в Подвале — уютней, сердечней, теплей (несмотря на то, что не топят).

К. Н. шлет самый теплый привет и просит передать, что, как только я буду меньше ее мучать перепиской и диктовкой, она Вам напишет.

Остаюсь сердечно любящий Вас обоих. Обнимаю Вас крепко обоих.

Борис Бугаев.

¹ Письма 4а и 4б вложены в один конверт. Первое предназначалось для выяснений отношений с «Издательством писателей в Ленинграде», от имени которого Спасский 5 ноября (в оригинале письма описка — октября) 1932 г. писал Белому: «Издательство соглас-

но на Ваши строки и будет ждать роман, нисколько Вас не торопя. Договор, конечно, потом надо будет переписать в связи с новыми ставками» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 77). Белый должен был представить роман «Германия» в издательство не позднее 1 сентября 1932 г., но обещания своего не выполнил, чем и вызвана переписка.

² Григорий Эммануилович Сорокин (1898—1954) был заведующим «Издательства писателей в Ленинграде». Подробнее о нем см.: Пастернак Б. Л. Письма к Г. Э. Сорокину. Публ. А. В. Лаврова, Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака.— Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 201—204. Письма Белого к Сорокину опубликованы в статье А. В. Лаврова «Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома» (там же, с. 76—79).

³ «Федерация» — издательство ФОСП (Федерации объединенных советских писателей). Третий том воспоминаний Белого «Между двух революций» вышел уже после смерти Белого в «Издательстве писателей в Ленинграде».

⁴ Белый рассчитывал получить квартиру в писательском кооперативе на ул. Фурманова (дом ныне не существует).

⁵ Книга «Мастерство Гоголя» (М., 1934).

⁶ В это время Белый жил в полуподвале (Плющиха, д. 53, кв. 1), и очереди в молочную, находящуюся в том же доме, мешали работе. См.: Кузьмин Николай. Иллюстрируя Андрея Белого.— Звезда, 1972, № 5, с. 182.

⁷ Е. Н.— Елена Николаевна Кезельман, сестра К. Н. Бугаевой, жила в то время в г. Лебедяни, где Белый с женой провели лето. Воспоминания Кезельман об этом пребывании опубликованы в приложении к «Воспоминаниям» К. Н. Бугаевой. Письма Белого к ней — см.: Новый журнал, 1976, № 124, с. 163—172.

⁸ Григорий Александрович Санников (1889—1969) — поэт, в те годы — близкий знакомый Белого.

⁹ См.: Скосырев Петр. Проходимцы.— Литературная газета, 1932, 11 октября.

¹⁰ Речь идет о судьбе А. С. Петровского, находившегося в заключении. В ответном письме Спасский писал: «Сведения Дм. Мих. об А. С., на мой взгляд, преждевременны. Они основываются на том, что известно в Москве, и вернулись к Вам, описав круг и при этом несколько оплотив» (ГПБ, ф. 60, № 67).

Москва. 10 дек⟨абря⟩ ⟨19⟩32 г. ⟨открытка⟩
Дорогой, милый Сергей Дмитриевич,
горячее Вам спасибо за книгу¹; прочел,— с все уси-

ливающимся интересом: остро, сильно, четко, оригинально! Насыщено драматизмом *до последней степени*; убедителен тот скупой доризм, с которым подана тема. Как всегда, пишу Вам из-за вороха дел; при первом случае напишу конкретнее о вещи, которая *впервые* заставила меня оценить Вас как «прозаика» в равной мере, как и поэта; мне кажется, что в этой повести Вы нащупали Ваше будущее; точно открыли дверь в далекие перспективы, *только Вам* принадлежащие. Соне от нас с К. Н. сердечный привет: *очень думаем о ней*. Любящий Вас Б. Бугаев.

Р. С. К. Н. сердечно приветствует.

¹ Повесть Спасского «Новогодняя ночь» (Л., 1932). Декабрем 1932 г. помечена дарственная надпись жене на этой книге (собрание В. С. Спасской).

6

Москва. 13 март(а) <19>33 г.

Дорогой, милый Сергей Дмитриевич,—

— родная Соня, которую я еще не поздравил и которую я обнимаю и поздравляю,—

мои родные, обнимаю и поздравляю Вас не только с новорожденной (это — само собой), но и с изумительной по строгости, силе ритма, новизне и безукоризненности «Да» (я разумею книгу стихов Сергея Дмитриевича, которую я получил третьего дня и которой мы попеременно зачитывались с Кладей¹; а теперь ее отхватил Санников; и тоже зачитывается, прося меня дать ему еще на день; как только получу обратно, буду вчитываться).

Ух, и все это — одна фраза: с захлеба, от радости, что появилась новая ценность; да,— Вашу книжечку надо *изучать* (и буду: в городе и в природе); только что упивался «Вторым рождением» Пастернака; а тут новая радость: «Да». И как хорошо, что Вы так назвали эту книгу; ей говорю от всего сердца:

— Да, да, да!

Она — просто рубеж в поэзии; только что говорили с Кладей и Санниковым, что в ритме там просто откровения: такие чудеса проделывать, например, с ямбом! И в чисто формальном смысле «Да» побивает рекорды Тихонова и Пастернака (о Сельвинском не хочу говорить: это — циркизм, джаз-банд, а не поэзия²).

Не говорю о ее тематике, которая мне удивительно близка.

Завтра, вероятно, увижу Гронского³ и буду просить его поручить мне рецензию на нее; мне радостно, что я теперь могу, может быть, поддержать Вашу поэзию конкретно, если только меня насильно не лишит голоса «группировочка» от Сельвинских, не могущих мне простить, что не испрашиваю разрешения у них, кого хвалить, кого бранить; а скоро ухнут меня за то, как смею я Гладкова ставить выше литер(атурных) принцев⁴. Вообще: ряд людей рвет и мечет за меня на то (так в оригинале. — В. С., Н. А.), что я пишу не по указке «воеводства», ибо у нас, например, «Литературка» есть переделанное «воеводство»: сама редакция — редакция от Сельвинских и К^о.

Может, Гронский испугается поднимаемому против меня скрежету; не думаю: он — независим; тогда в скорейшем времени постараюсь изучить Вашу книжку и для рецензии, а потом — в месяцах буду ее изучать и от души.

Спасибо Вам за подарок и за радость, связанную с ним.

Милая, дорогая Соня, поцелуйте от меня Вашу маленькую; а я одно время мечтал ее лично видеть (меня волок Лавут⁵ в Ленинград на лекцию), но я, исхрипевшись на докладах после трех гриппов, должен был оставить эту затею; и в Ленинград не поехал. Ну, всего светлого Вам и малышке.

Б. Бугаев⁶.

¹ К л а д я — К. Н. Бугаева.

² Обострение ритмических поисков в поэзии конца двадцатых и начала тридцатых годов вызвало повышенный интерес Белого — крупнейшего стиховеда начала века. Этому посвящена значительная часть его рецензии на роман в стихах Г. Санникова «В гостях у египтян» (Новый мир, 1932, № 11), а также многие размышления, только отчасти выразившиеся в книге «Ритм как диалектика и «Медный всадник» (М., 1929). Говоря о «цирризме» Сельвинского, Белый, вероятно, имеет в виду две уникальные по ритмическому строению строки из «Записок поэта»:

Я человеконенавистник,
А не революционер.

³ Иван Михайлович Г р о н с к и й (1894—1985) был в то время редактором газеты «Известия» и журнала «Новый мир», где Белый

регулярно печатался. Поэт считал Гронского одним из главных своих союзников в современной литературе.

⁴ Имеется в виду рецензия Белого на роман Ф. Гладкова «Энергия» (Новый мир, 1933, № 4).

⁵ Павел Ильич Л а в у т (1898—1979) — организатор и устроитель поэтических вечеров и лекций. Известна его большая работа по организации поездов Маяковского по стране. Автор книги «Маяковский едет по Союзу» (2-е изд. М., 1969).

⁶ В конце письма — приписка К. Н. Бугаевой. 23 марта 1933 г. Спасский отвечал на это письмо: «Собирался писать, что до нас дошли, наконец, «Маски» <...> Прочел еще очень мало, но сразу подхвачен ее ошеломляющим ритмом, непрерывной словесной тягой, звуковым ветром, несущимся по страницам, прохватывающим все тело насквозь. На мой взгляд, здесь еще более сильный ритмический натиск, чем в предыдущих томах. Очевидно, роман и нельзя читать залпом, хотя разворачивание интриги все время тянет от куска к следующему. Но после первых строк я поделился с Соней чувством почти физического удовольствия, которое ощущаешь не абстрактно, а где-то в гортани, произнося мысленно текст. Это редкое ощущение, невозможное при чтении почти всей нашей прозы. Дорогой Борис Николаевич, мне доставило чрезвычайную радость Ваше внимание к моей книжке. Очень благодарен Вам за все, что Вы мне написали, хотя по совести и никак не могу целиком совместить это с текстом стихов. Но Ваши добрые слова для меня очень много значат. Тем более что ведь извне никаких откликов на мою работу никогда не поступает. Лишь подчас кто-то нибудь (так! — Н. А.) уронит на голову случайный кирпич. Но я знаю одно — надо работать во всю меру сил. И в этом смысле Вы тоже для меня недостижимый пример. А такое одобрение, как Ваше, или дружеские приветы Бориса Леонидовича освещают дорогу и пробуждают энергию.

Очень понятно все, что Вы пишете о «воеводстве». Это точный и безошибочный термин. У нас в Ленинграде есть свое воеводство, и я чувствую, что у меня руки уже чешутся, не тороплю событий, но драка, очевидно, неминуема.

Сейчас переписываю свою новую прозу, не знаю, как с ней обойдутся, обстановка в литературе (по крайней мере у нас) опять затуманилась...» (ГПБ, ф. 60, № 67, л. 2—3).

〈Открытка с почтовым штемпелем
«Москва 5.9.1933»〉

Дорогой Сергей Дмитриевич,
мне спешно нужно знать имя и отчество Сорокина
(из «Изд(ательства) Пис(ателей) в Лен(инграде)»)¹;

не откажите в спешной посылке мне ответа на интересующий вопрос. На случай Вашего отсутствия, пишу на имя Сони; ей, находясь в Ленинграде, вероятно, ничего не стоит по телефону узнать имя и отч(ество) Сор(окина) и немедленно известить меня открыткой.

Заранее ей благодарен.

Остаюсь сердечно преданный

Б. Бугаев.

Соне сердечный привет.

¹ О Сорокине см. примечания к письму 4. На эту открытку Спасский откликнулся своей от 8 сентября 1933 г., где выполнял просьбу Белого.

8

Москва. 10 сент(ября) <19>33.

Дорогой Сергей Дмитриевич,—
сердечное спасибо!

Очень жду Вас в Москву. Имею многое Вам сообщить. Чрезвычайно обрадуете нас, если посетите нас (с Соней, разумеется, если и она будет, на что не надеюсь). Шлем Соне самый горячий привет. Как хотелось бы увидеть Вашу девочку! Может быть, с первым снежком будем в Ленинграде (остановимся у Томашевских¹, с которыми установились самые сердечные отношения в Коктебеле). До скорого свидания.

Искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

¹ Об отношениях Белого с Борисом Викторовичем Томашевским (1890—1957) и Ириной Николаевной Медведевой-Томашевской (1903—1973) см.: Б. В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. Публ. А. В. Лаврова.— Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982, с. 224—239.

Москва. 29 ноября <1933>.

Дорогой Сергей Дмитриевич!

Большое Вам спасибо за передачу любезного приглашения «Изд(ательства) Ленингр(адских) Писателей», пожелавшего включить в план издания 1934 г. книгу мою «Начало Века» (2-ой том), называющуюся «Между двух революций»; книга эта писалась для «Изд(ательства) Федерации» в эпоху, когда «Гихл», выпускавший 2 мои книги, не имел возможности выпустить третью¹. С прошлого года образовавшийся при «Гихле» Горком писателей предложил мне выпустить 2-ой том «Нач(ала) Века», который я и взял из «Федерации» для «Гихла». Но с осени выпускная способность «Гихла» оказалась опять под ударом ввиду препятствий, оказываемых «Огизом», желающим, чтобы «Гихл», сосредоточась на классиках, занимался бы минимально совр(еменной) худ(ожественной) литературой; «Гихл» вынужден отказаться от ряда намеч(енных) книг (напр(имер,) «Энергии» Гладкова и т. д.), так что я волен распоряжаться «Началом Века», как мне угодно, или опять ждать. 2-ой том «Н(ачала) В(ека)» мне тем приятней передать «Изд(ательству) Пис(ателей) в Ленинграде», что я уже пишу 4-ый том воспоминаний. 3-ий том готов совершенно (отрывок из него «Жорес» напечатан в «Нов(ом) мире»²); считаю его наиболее удачным из 3-х томов воспоминаний. Итак, — с охотой иду навстречу предложению издательства; рукопись может в любое время быть отослана. Жду уведомления об этом. Черкните мне о точном адресе Издательства; или: книга может быть отослана Вам? Нужно ли еще кроме этого официальное заявление в «Изд(ательство)»? Буду ждать от Вас ответа.

Милый Сергей Дмитриевич, очень жду Вас в январе. Давно не видались. И много-много накопилось Вам сказать и объяснить (о Вашей книге «Да» и о том, почему моя рецензия о ней осталась помимо моей воли ненаписанной); и о многом другом имею Вам сообщить. Хорошо, что Соня отдыхает. Все мечтаю лично познакомиться с Вероникой. Будете писать Соне, — от нас с Кладей сердечнейший привет.

Остаюсь сердечно Вас любящий

*Борис Бугаев*³.

¹ В письме от 22 ноября 1933 г. Спасский писал Белому: «...при составлении планов на следующий год в Издательстве писателей встал вопрос о том, не дадите ли Вы какой-нибудь рукописи нам, если не все у Вас окончательно законтрафовано. Так как роман, очевидно, Вы не осуществите в ближайшее время, правление просило передать Вам такую просьбу: может быть, Вы найдете возможным уступить Издательству «Начало века», или вообще одну из книг этой серии. Это не значит, что *Издательство* обеспокоено выданным Вам авансом. Вопрос об авансе не должен никак влиять на Ваши намерения, и не он — причина обращения Из⟨дательст⟩ва к Вам. Просто правление заинтересовано в том, чтобы привлечь Вас к Издательству ближе, и хочет получить Вашу рукопись для издания» (ГПБ, ф. 60, № 67, л. 6—6 об).

² Новый мир, 1933, № 10.

³ К письму сделана приписка К. Н. Бугаевой бытового характера. 5 декабря Спасский отвечал Белому: «Получил Ваши письма и отправился немедленно в Издательство. Там встретили известие о согласии Бориса Николаевича передать сюда рукопись с большим удовлетворением. Теперь дело обстоит так: нужно прислать рукопись и приложить маленькое заявление. В заявлении указать, что Б. Н. предоставляет эту рукопись вместо романа «Германия» и просит в этом смысле переписать договор. Совершенно естественно, что материальная сторона договора также будет изменена.

Послать все можно тоже прямо на мое имя. Кстати, хорошо было бы мне знать, какие у Бориса Никол. условия с ГИХЛом и какую полистную оплату он считает для себя подходящей. Тогда я поговорю с заведующим, чтоб не было лишней переписки по данному вопросу» (ГПБ, ф. 60, № 67, л. 9—9 об).

Вступительная статья, примечания
Н. Алексеева,

Подготовка текста писем
В. С. Спасской